

УДК 323.1(477:439)(091)«1939/1944»

Казак Олег

**ДИСКУССИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЭТНОНИМА
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ КАК ЭЛЕМЕНТ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
ЖИЗНИ РЕГИОНА (1939–1944 ГГ.)**

В статье рассматриваются основные подходы к определению оптимального наименования коренного восточнославянского населения Подкарпатской Руси, предложенные представителями различных идеологических направлений. Использование архивных материалов позволило осветить малоизвестные факты, касающиеся данной проблемы.

Ключевые слова: идентичность, «угро-русинизм».

Казак О.

**ДИСКУСІЯ ЩОДО ЕТНОНІМА СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКОГО
НАСЕЛЕННЯ ПІДКАРПАТСЬКОЇ РУСІ
ЯК ЕЛЕМЕНТ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
ЖИТТЯ РЕГІОНУ (1939–1944 РР.)**

У статті розглядаються основні підходи до визначення оптимального найменування корінного східнослов'янського населення Підкарпатської Русі, які були запропоновані представниками різних ідеологічних напрямів. Використання архівних матеріалів дозволило висвітлити маловідомі факти, що стосуються цієї проблеми.

Ключові слова: ідентичність, «угро-русинізм».

Kazak O.

**DISCUSSIONS ON THE ETHNONYM EASTERN SLAVIC
POPULATION OF CARPATHIAN RUS AS PART
OF NATIONAL-CULTURAL LIFE OF REGION (1939–1944)**

The article discusses the main approaches to determining the optimal names indigenous Eastern Slavic population of Carpathian Rus, proposed

by the representatives of different ideological trends. Using archival materials helped to highlight little-known facts about the problem.

Key words: *identity, «uhro-rusynizm».*

В межвоенный период в Подкарпатской Руси, которая входила в состав Чехословакии, в условиях относительной свободы общественной жизни выкристаллизовывались основные идейные направления местного национально-культурного ландшафта (с определенной степенью упрощения их традиционно обозначают как русофильское, украинофильское и русинофильское). В ходе дискуссий относительно национальной идентичности коренного восточнославянского населения региона для представителей каждого из названных идеологических лагерей чрезвычайно важным представлялся вопрос об «единственно верном», «исторически обусловленном» этнониме жителей Подкарпатской Руси. После поэтапного включения региона в состав Венгрии (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) идеологами новой власти был разработан официальный курс «угро-русинизма», в рамках которого постулировался тезис о культурной самобытности славянского населения края, чуждости и вредности для них любых прорусских или проукраинских настроений, а также исторической приверженности идеям венгерской государственности и мирном сожительстве с венграми. В данных условиях вопрос выбора адекватного этнонима для обозначения восточнославянских жителей Подкарпатской Руси приобретал особое значение.

Одна из первых программных статей на сей счет, автором которой был известный венгерский ученый-славист с русинскими корнями Ш. Бонкало, появилась в венгерском журнале «Горизонт» («Láthatár»). Автор проанализировал названия, традиционно применявшиеся для идентификации населения Подкарпатской Руси («русский» («orosz»), «русин» («ruszin»), «рутен» («rutén»), «угро-рус» / «угроросс» («magyar-orosz»), «украинец» («ukrán») и пришел к выводу, что использовать возможно лишь этнонимы «русин» и «угрорус» [10, с. 61]. Ш. Бонкало несколько конкретизировал данную позицию в своем фундаментальном труде «Рутены (Русины)», вышедшем в 1940 г. В тексте работы параллельно использовались как термин «русин», так и его латинизированная версия – «рутен». Одна из глав монографии носила название «Происхождение и имя рутенов». Автор, как и ранее, считал наиболее адекватным в использовании этноним «русин». Положительно оцени-

вался и этноним «угрорус», который, по его мнению, подчеркивал историческую, кровную, экономическую связь восточных славян и венгров, проживающих в регионе. Этноним «украинец» был освещен Ш. Бонкало в наиболее негативном ключе. По его мнению, для идентификации населения Подкарпатской Руси теоретически могли быть использованы термины «угрорусы», «малороссы», «рутены», «русины». Однако автор утверждал, что те малороссы, которые именовали себя украинцами, «мечтали о создании независимого украинского государства», в связи с чем этот этноним приобретал «ирредентский смысл» и объявлялся опасным [21].

Однако в среде политических и интеллектуальных элит Венгрии не наблюдалось единодушия в данном аспекте. Дискуссионный характер носил вопрос о том, какой из двух этнонимов – «рутены» или «русины» – более приемлем. В декабре 1943 г. газета «Русское слово» перепечатала с будапештского издания «Новые венгры» («Új Magyarország») интервью с депутатом верхней палаты парламента П. Демьяновичем. Он заявлял следующее: «Прошу Вас, господин редактор, не извольте писать «русин», а извольте писать «рутен». В свое время и Эган проводил рутенскую акцию, так же нас упоминает в грамоте Ракоци. Русин тот, кто мысленно переходит за границу, мы же – рутены, всегда в сей тысячелетней отчизне желаем остаться и никакая мысль нас отсюда не может вывести» [13]. Для того чтобы продемонстрировать оптимальный характер для идентификации коренного населения региона этнонима «рутен», П. Демьянович связал его функционирование с двумя личностями, сакрализация которых стала одним из составных элементов официального идеологического курса. Венгерский чиновник ирландского происхождения Э. Эган, после изучения экономического положения населения Подкарпатской Руси на рубеже XIX–XX вв. констатировал, что население региона в Венгрии находилось на грани выживания. Смерть Э. Эгана в результате покушения закрепила за ним ареол борца за права жителей края, а его похороны в Ужгороде стали первой крупной демонстрацией в Подкарпатской Руси [2, с. 93]. А полулегендарный факт, согласно которому руководитель антигабсбургского восстания Ференц II Ракоци называл восточнославянских крестьян, участвовавших в выступлениях, «gens fidelissima» («наивернейшим племенем»), многократно использовался как в речах высшего руководства Венгрии (например, премьер-министра П. Телеки [24]), так и в местной прессе [7]. Отвечая на вопрос корреспондента о возможности предоставления

Подкарпатской Руси автономного статуса, П. Демьянович заявил: «Большинству рутенов она не нужна! Автономия определенно означает отделение от государства, мы же – рутены, признаем то, что нужно стремиться к возможно большему единству государством. Нужна наиболее тесная связь между уграми и рутенами» [13]. Таким образом, для П. Демьяновича термин «рутен» становился символом исторической общности судеб венгров и их национальных меньшинств, а также чуждости для жителей Подкарпатской Руси политических амбиций.

Однако не все были согласны с доводами П. Демьяновича. В марте 1941 г. в мукачевской газете «Местный житель» («Az őslakó») появилась программная статья депутата нижней палаты парламента Венгрии А. Возари «Не угрорус, не рутен – но: русин!». Автор утверждал, что этноним «угрорус» являлся искусственным и представлял собой попытку ученых-славистов из Российской империи доказать наличие русского народа в Венгрии и тем самым обосновать право российских царских властей на вмешательство в дела региона под предлогом защиты их интересов. По мнению А. Возари, никто из местных жителей не именовал себя как «угрорус». Этноним «рутен», на взгляд депутата, имел исторические корни – еще венгерский правитель Бела III называл себя «королем рутенов», этот же термин использовали в своем титуле Габсбурги – однако «народ это имя не принял, не полюбил». В заключении статьи А. Возари делал выводы и предлагал властям Венгрии рекомендации следующего характера: «Gens fidellissima всегда называли и хотят называть себя этнонимом «русины», потому что с помощью его он пытается отмежевать себя от великороссов и украинцев. ... Мы просим часть венгерского правительства, венгерскую прессу и всю венгерскую общественность: не называйте этот красивый народ Подкарпатья ни рутенами, ни угрорусами, а называйте русинами, потому что только это имя народ признает и считает своим» [23].

Вопрос о наиболее подходящем наименовании населения Подкарпатской Руси беспокоил и дипломатические круги Венгрии. Так, посол в Германии Д. Стояи в марте 1940 г. предлагал вниманию министерства иностранных дел свое видение ситуации. Д. Стояи положительно оценивал факт вытеснения из немецкой прессы наименования «карпатоукраинец» (нем. «Karpatho-Ukrainer»), но не соглашался с использованием термина «угрорус», из-за которого, на его взгляд, возникала возможность определения русинов как «русских». Далее посол делал следующий вывод:

«Идентификация русинов в качестве украинцев опасна, но так же нежелательно, чтобы на основе немецкоязычной венгерской прессы в России формировалось впечатление, что мы, венгры, считаем русинов этнической группой русских. Это могло бы усилить в России тенденции к желанию захвата русинской земли». Д. Стояи настоятельно рекомендовал немецкоязычной прессе Венгрии (прежде всего – газета «Pester Lloyd») обозначать население региона как «русинов» (нем. «Ruthenen») [20, s. 303].

Со своими предложениями относительно возможного этнонима местного населения Подкарпатской Руси выступали русофильские деятели, причем высказывания отдельных их представителей значительно разнились по степени радикальности. Так, депутат верхней палаты парламента Венгрии, один из самых влиятельных местных политиков 20–30-х гг. Й. Каминский в своей статье не возражал против использования термина «русин», однако лишь в качестве существительного. При образовании прилагательного из этого слова, по мнению Й. Каминского, допускалось использование только формы «русский» или ее производных. Политик считал, что оптимальным этнонимом для народа, «на протяжении вековой истории живущего вместе с венграми», является слово «угрорус», хотя допускал использование традиционных «русский, русская земля, русский язык, русская вера». Латинизированную форму этнонима – «рутен» – автор отвергал по причине ее неиспользования в местных говорах [22, о. 563].

В периодических изданиях одного из крупнейших деятелей политического спектра региона А. Бродия – «Русская правда» и «Русское слово» – для наименования жителей края в основном использовались термин «русский» или «угрорус». Отдельные статьи данных изданий были посвящены вопросу этнонима восточнославянского населения Подкарпатской Руси. Так, автор заметки «Духовное взаимоотношение» утверждал следующее: «Названия «греко-католические венгры, говорящие по-русски» («gög. kat. ruthennyelvű magyarok»), «русины» («rutének»), «венгерские русские» («magyarországi oroszok») – не могли служить сближению обоих народов, потому что и литература, как и иная отрасль искусства, требует в первую очередь точности и уверенности в выражениях». Автор поддерживал тесные духовные связи восточнославянского населения Подкарпатской Руси с венграми, но также указывал на необходимость «удовлетворить элементарные народные требования в отношении названия нашей Родины, на-

шего русского народа и нашего языка» [8]. Однако не все авторы материалов, помещаемых в изданиях А. Бродия, были столь резки в своих высказываниях. Так, И. Андрашко в своей рецензии на упоминаемую монографию Ш. Бонкало «Русины» при каждом использовании термина «угро-русский» в скобках помечал: «от существительного: русин!» [1]. Особенно болезненно авторы материалов в изданиях А. Бродия реагировали на случаи использования этнонима «рутен» – например, в местной газете «Карпатская неделя» [11], которая стала рупором курса «угро-русинизма» и образцом лояльности венгерскому режиму. Следует отметить, что на страницах данного издания гораздо чаще использовались термины «русин» и «русский».

В еще одном русскоязычном издании региона – газете С. Фенцика «Карпаторусский голос» – также чаще всего использовались этнонимы «угрорусский» и «русский». Термин для наименования восточнославянского населения края, соответствующий названию издания («карпаторосс» и его формы) использовался лишь в тех выпусках газеты, которые выходили сразу после присоединения региона к Венгрии, а затем постепенно вытеснялся более приемлемым для властей и цензуры термином «угрорус». Авторы газетных материалов часто позволяли себе критику использования этнонима «русин» и, более широко, официального курса угро-русинизма, который они считали переходным этапом к господству радикальных проукраинских идей [6, с. 19].

Органы венгерской власти в регионе часто весьма негативно оценивали использование не только этнонима «русский», но и «угрорус» и его производной формы «угро-русский», рассматривая их как синдром распространения крайне нежелательных прорусских настроений среди жителей региона. Так, наджупан Ужанской жупы в переписке с министром внутренних дел Венгрии по поводу утверждения устава «Общества им. А. Духновича» (крупнейшая русофильская институция региона в межвоенный период) рекомендовал заменить термины «угро-русский» и «русский» определениями «рутен» / «рутенский» [5].

Выработать четкие представления об наиболее адекватном этнониме для обозначения славянского населения Подкарпатской Руси на официальном уровне в 1939–1944 гг. так и не удалось. Об этом свидетельствуют тексты издания «Подкарпатский вестник» – «Kárpátaljai Közlöny», в котором публиковались законодательные акты Венгрии на венгерском и русинском языках двумя колонка-

ми. Какой-либо системности в употреблении наименований коренного населения региона, а также слов, производных от них, не выявлено, поэтому приведем некоторые характерные выражения из текстов данного журнала: «русин» – «magyar-ogosz» [3], «русский (угрорусский) язык» – «rutén (magyarogosz) nyelv [14], «рутенский язык» – «rutén nyelv» [15], «угрорусский язык» – «rutén nyelv» [16], «руський язык» – «rutén nyelv» [18], «руський язык» – «ruszin nyelv» [17] и др. Таким образом, за более чем пять лет даже в языке официальных документов не были выработаны единые подходы к наименованию восточнославянского населения Подкарпатской Руси и корректному переводу соответствующего этнонима с местного языка на венгерский.

Интересная информация о сферах бытования тех или иных форм этнонима восточнославянского населения Подкарпатской Руси содержится в докладе наджупана Берег-Угочанской жупы А. Шименфалви Совету министров Венгрии (7 апреля 1940 г.). Согласно его наблюдениям, термин «угро-русский» являлся кабинетным и тяжело проникал в сознание местных жителей, наименованием «рутен» пользовалось рядовое венгерское население края, «русин» – венгерские чиновники. Большинство же местных жителей, на взгляд А. Шименфалви, сами себя идентифицировали с помощью этнонима «руськие» [12].

Малоизвестным является факт использования термина «украино-русинский народ» в период венгерского господства в регионе. Именно так называли население края лидеры украинофильской организации «Просвита» Ю. Бращайко и Ф. Ревай в переписке с представителями местной власти по поводу разрешения деятельности организации (добиться данного права им не удалось). В переписке деятели «Просвиты» выражали свою лояльность венгерской власти и позиционировали себя в качестве организации, которая добивалась исключительно повышения культурного уровня жителей региона [4]. Использование такого компромиссного определения, как «украинско-русинский народ», должно было продемонстрировать отказ деятелей «Просвиты» от курса на радикальную пропаганду украинской национальной идентичности жителей края, которая особенно ярко проявилась в период деятельности автономного правительственного кабинета А. Волошина (октябрь 1938 г. – март 1939 г.). Однако доводы Ю. Бращайко и Ф. Ревая венгерские власти не приняли и сделали ставку на иных представителей местной интеллигенции. Известный канадский русинист П. Р. Магочий в

специальной статье в «Энциклопедии истории и культуры карпатских русинов» относит первые случаи использования подобных компромиссных наименований населения региона (т. е. использование одновременно этнонимов «украинец» и «русин») к событиям, предшествующим «Пражской весне» 1968 г. На его взгляд, это явление наблюдалось в публицистическом дискурсе Восточной Словакии (Прешов) в условиях относительной либерализации, когда стало вновь возможным указывать на русинские корни восточнославянского населения данного региона [9]. Таким образом, можно констатировать ошибочность тезиса ученого, так как случаи использования упомянутых наименований встречались значительно раньше. С другой стороны, следует признать, что эти факты не становились известны широкой общественности, а в массовом дискурсе периода 1939–1944 гг. понятие «украинец» и производные от него употреблялись исключительно с негативной окраской.

Таким образом, в публицистике и официальном дискурсе периода 1939–1944 гг. не было выработано четких подходов относительно наименования восточнославянского населения Подкарпатской Руси. Чаще всего в периодике, поддерживающей курс «угро-русинизма», использовались этноним «русин» и его латинизированная версия – «рутен». Данный подход вызывал критику представителей русофильского идеологического направления. В качестве определенного компромисса между двумя идейными лагерями мог выступать термин «угрорус», однако его использование приветствовалось далеко не всеми представителями венгерских властных и интеллектуальных элит. Этноним «украинец» и производные от него, кроме отдельных случаев, освещался в публицистике в негативном свете.

Литература:

1. Андрашко И. О книге проф. Бонкало «Русины» (критический разбор) / И. Андрушко // Русское слово. – 1941. – 5 марта. – С. 2.
2. Аркуша О. Національна політика царського і провінційних урядів / О. Аркуша // Національне питання в Україні ХХ – початку ХХІ ст.: історичні нариси / ред. рада: В. М. Литвин (голова), Г. В. Боряк, В. М. Даниленко [та ін.] – Київ : Ніка-Центр, 2012. – С. 75–98.
3. Вступное слово Жигмонда Перени // Подкарпатский вестник – Kárpátaljai Közlöny. – 1939. – 30 июля. – С. 1.
4. ДАЗО. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Спр. 4. – Арк. 28 (Braschaykó Gyula és Révay Fedor levél polgármesteri hivataltól).

5. Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). – Ф. 47. – Оп. 1. – Спр. 66. – Арк. 10 (Ung vármegye és Ungvár thj. város Főispán levél M. Kir. Belügyminiszterhez «A Duchnovics Magyar-Orosz Művelődési Egyesület módosított alapszabályainak»).

6. Козикъ М. По кривымъ дорогамъ / М. Козикъ // Карпаторусский голось. – 1939. – 28 іюня. – С. 1–2.

7. Контратовичъ И. Свято-стефанска думка и gens fidelissima // Русинський дайджест 1939–1944: у 3 т. / матеріали ушорив М. Капраль. – Т. 2: Красное писемство. – Ніредьгаза : Катедра українськуй и русинськуй філології Ніредьгазькуй Висшуй Школы, 2008. – С. 57–66.

8. Лучанинь. Духовное взаимоотношеніе // Русская правда. – 1940. – 19 января. – С. 2.

9. Магочій П. Р. Русін-українець / П. Р. Магочій // Енциклопедія історії та культури карпатських русинів ; за ред. П. Р. Магочія. – Ужгород : Видавництво В. Падяка, 2010. – С. 654–655.

10. Офіцинський Р. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944) / В. Офіцинський. – Київ : Ін-т історії України НАН України, 1997. – 244 с.

11. Письмо въ редакцію // Русская правда. – 1940. – 1 августа. – С. 3.

12. Повідомлення наджупана Берег-Угочанської жупи раді міністрів про политични настрої населення Мукчівського округу // Шляхом Жовтня: боротьба трудящих Закарпаття за національне і соціальне визволення та возз'єднання з Радянською Україною. Збірник документів / голова ред. комісії В. І. Белоусов. – Т. 5 (1938 р. – 1944 р.). – Ужгород : Закарпатське обласне видавництво, 1967. – С. 184–185.

13. Разговоръ съ членомъ Верхней Палаты Впр. о. Петромъ Демьяновичемъ // Русское слово. – 1943. – 19 декабря. – С. 6.

14. Распоряженіе м. кор. министра культа и нар. просвещенія № 16003 / 1940 // Подкарпатский вестник – Kárpátaljai Közlöny. – 1940. – 17 марта – С. 5.

15. Распоряженіе м. кор. министра культа и нар. просвещенія № 19185 / 1940 // Подкарпатский вестник – Kárpátaljai Közlöny. – 1940. – 8 сентября. – С. 12.

16. Распоряженіе регентского комиссара подкарпатской территории № 1501 / 1940 // Подкарпатский вестник – Kárpátaljai Közlöny. – 1940. – 15 декабря. – С. 21.

17. Розпоряженіе м. кор. министра вероисповеданія и народного просвещенія число 5743 / 1943 // Подкарпатский вестник – Kárpátaljai Közlöny. – 1944. – 23 януара. – С. 13.

18. Розпоряженіе м. кор. министра культу и народной осветы число 29364 / 1941 // Подкарпатский вестник – Kárpátaljai Közlöny. – 1942. – 11 януара. – С. 17.

19. Русинизмъ снова в моде? // Карпаторусский голось. – 1939. – 7 іюня. – С. 1–2.

20. Barszczewska A. Mołdawscy Csángó a Rusini Karpaccy (1867–1947). Problemy rozwoju tożsamości zbiorowej w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku. – Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2012. – 390 s.

21. Bonkáló S. A rutének. – Basel – Budapest: Európai Protestáns Magyar Szabadegyetem, 1996 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszag_i_nemzetisegek/altalanos/a_rutenek/. (24.12.2014).

22. Kaminszky József felsőházi tag a ruszin önkorm (Budapest, 1939) // Iratok a Kárpátaljai Magyarország Történetéhez, 1918–1944. Törvények, rendeletek, kisebbségi programok, nyilatkozatok / szerk.: С. Fedinec. – Budapest: Fórum Intézet, 2001. – О. 563–568.

23. R.V.A. [Vozáry A.] Sem magyarország, sem rutén – hanem: ruszin! // Az őslakó. – 1941. – Március 2. – О. 2.

24. Teleki Pál. Beszédek. 1939 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://mek.oszk.hu/10300/10338/10338.htm>. (12.08.2014).